

ГРОССМЕЙСТЕРЫ

ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

ЭДУАРД МАКАРЕВИЧ
ФИЛИПП
БОБКОВ

И ПЯТОЕ
УПРАВЛЕНИЕ КГБ:
СЛЕД В ИСТОРИИ

Москва
алгоритм
2015

УДК 343.32
ББК 67.401.212
М15

Макаревич, Эдуард Федорович.

М15 Филипп Бобков и пятое Управление КГБ: след в истории / Эдуард Макаревич. — Москва : Алгоритм, 2015. — 272 с. — (Гроссмейстеры тайной войны).

ISBN 978-5-906817-62-4

Пятое Управление КГБ было создано в конце 60-х годов XX века как ответ на американский вызов — появление в ЦРУ подразделений, нацеленных на слом политической власти в СССР путем идеологической и коммуникационной войны.

Филипп Денисович Бобков, долгое время возглавлявший и курировавший пятое Управление, выстроил не узколобый политический сыск, подчиненный партийной бюрократии, а организацию, выявляющую сложнейшие социальные процессы и не только информирующую, но и силой аналитической мысли и политических предложений подталкивающую власть к определенным решениям в целях безопасности страны. В противовес такому контролю партия попыталась навязать обществу образ интригующей спецслужбы, в чем смыкалась с антисоветской и фрондирующей частью интеллигенции.

Трагедией коммуниста без фальши, генерала, ответственного за безопасность государства, стало осознание бессилия перед обстоятельствами, не позволившими пятому Управлению в составе КГБ политическими методами остановить лидеров партии, толкающих страну в пропасть — к геополитической катастрофе, к распаду СССР. Однако это не отменяет значимость и глубину следа, оставленного легендарным руководителем пятого Управления в истории государственной безопасности и в судьбе партии и страны.

УДК 343.32
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-906817-62-4

© Макаревич Э.Ф., 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание
ГРОССМЕЙСТЕРЫ ТАЙНОЙ ВОЙНЫ

Макаревич Эдуард Федорович
ФИЛИПП БОБКОВ И ПЯТОЕ УПРАВЛЕНИЕ КГБ
След в истории

Редактор *Н.В. Мезина*
Художник *Ю.Р. Пономарева*

ООО «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 02.11.2015.
Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906817-62-4

9 785906 817624 >

ПРЕДИСЛОВИЕ

Феномен Пятого управления Комитета государственной безопасности СССР заключался в том, что оно стало самым эффективным средством в холодной войне на внутреннем «фронте», но оно действовало, во многих случаях не находя поддержки партии. Как сказал его глава Ф. Д. Бобков, в холодной войне Пятое управление «чувствовало свое одиночество».

Пятое Управление было создано в конце 60-х годов XX века Ю. В. Андроповым — председателем КГБ, будущим главой советского государства. Пятое управление — это была политическая контрразведка. Она появилась в ответ на американский вызов, определивший стратегию холодной войны, мобилизовавший американских ученых на разработку идей и концепций для утверждения лидирующей роли США в глобальном масштабе.

Тогда в ЦРУ обрели самостоятельность тайные политические, идеологические и «культурологические» операции, нацеленные на слом политической власти в СССР. Субъектами противостояния американской политической разведки и советской политической контрразведки стали коммунистическая партия, советские люди, и прежде всего советская интеллигенция. Это противостояние проходило в определенных общественно-политических условиях. Одним из них стала тенденция к возрождению репрессивных мер в стране, появившаяся в конце 60-х годов прошлого века. Лишь появление Пятого управления сняло эту тенденцию. Его методы в борьбе с идеологическим противником оказались эффективнее репрессий. Управление изучало происходящие в стране процессы, благода-

ря чему удавалось предотвращать межнациональные конфликты, массовые беспорядки, которые происходили в стране ежегодно до появления «пятой службы». В своей деятельности Управление четко отделяло инакомыслящих от тех, кто, прикрываясь инакомыслием, действовал против существовавшего в стране конституционного строя.

В этой принципиальной войне за безопасность советского государства Пятое управление достигло своего могущества и вошло в неминуемый конфликт с партией, все чаще выступая в роли ее политического оппонента, обращая внимание на ошибки, интеллектуальную немощь и политическое безволие партийных лидеров.

Почти все годы действия Пятого управления его возглавлял или курировал по должности и по сути Филипп Денисович Бобков. Идеология, архитектура и технологии этого Управления были выстраданы им, несли особенности его контрразведывательного таланта и политического мышления, поддержанного Андроповым. Деятельность Бобкова предстает в контексте политических событий того времени, тайных операций ЦРУ, идей западных научных фанатиков, мнений и достижений известных персонажей советской эпохи, нашедших себя в науке, культуре, искусстве, политике и власти.

Бобкову удалось выстроить не узколобую организацию политического сыска, подчиненную партийной бюрократии, а организацию, выявляющую социологически и агентурными методами политические и социальные процессы, познающую и контролирующую среду, в которой они разворачивались. Организацию не только информирующую власть, но и аналитически контролирующую ее, толкающую ее к определенным решениям. Не интригами, не провокационными действиями, а силой аналитической мысли и политических предложений для безопасности страны.

Деградирующая партия не могла допустить столь явного политического контроля и «аналитического» наси-

лия над собой. Она пыталась навязать общественному мнению образ Пятого управления как интригующей спецслужбы, в чем смыкалась с антисоветской и фрондирующей частью интеллигенции. В определенный момент Бобков понял свое бессилие перед теми обстоятельствами, что не позволили Пятому управлению в составе КГБ информационными и политическими методами остановить лидеров партии, толкающих страну в пропасть — к геополитической катастрофе, к распаду СССР. В этом бессилии была его трагедия как советского человека, как коммуниста без фальши, как генерала, ответственного за безопасность государства. Но след Управления в истории государственной безопасности и в судьбе партии небезынтересен для будущих поколений.

УЧИТЬСЯ КОНТРАРАЗВЕДКЕ НАСТОЯЩИМ ОБРАЗОМ

О верности судьбе

Девятого января 1991 года первый заместитель председателя КГБ СССР, генерал армии Филипп Денисович Бобков покинул свой кабинет, окна которого смотрели на площадь Дзержинского и центральный московский универмаг «Детский мир». Сорок пять лет назад он, тогда младший лейтенант, выпускник школы СМЕРШ, впервые вошел в здание Министерства государственной безопасности, что так уверенно раскинулось на этой площади. На одном дыхании были прожиты эти сорок с лишним лет. И вот пришел день, когда он, уже «четырёхзвездный» генерал, отвечавший за политическую безопасность Советского Союза, за восемь месяцев до его кончины, завершил свою службу.

Он был из того поколения, о котором Эрнест Хемингуэй сказал: коммунисты — хорошие солдаты. Бобков был хорошим солдатом и в пехотной цепи на поле брани, и в борьбе за государственную безопасность страны. Только в той цепи можно было получить «подарок» от немецких фашистов — сорок осколочных ранений и пробитое легкое. Таким для него была цена одного боя в Белоруссии. А в политической борьбе за государственную безопасность раны были моральные и душевные. За них не давали нашивки на форму, они становились отметинами на сердце.

Он стал солдатом в шестнадцать, а в восемнадцать гвардии старшина Бобков, фронтовик, кавалер солдатского ордена «Славы», встретил победу в Курляндии. Недале-

ко от тех мест, где закончил воевать за два месяца до той же победы капитан Красной армии Солженицын, арестованный фронтовой контрразведкой СМЕРШ за нелестные слова о Верховном главнокомандующем.

Кто мог предположить в те дни, что жизненные линии старшины-фронтовика и арестованного капитана спустя тридцать лет пересекутся в точке идейного противостояния. Старшина к тому времени стал генерал-майором, начальником Пятого управления КГБ, а капитан — известным писателем и выдающимся «диссидентом».

Погрузившись в историю, вдруг неожиданно видишь, как соприкасаются жизненные линии людей в определенное время в определенном пространстве. А потом наступает другое время, и это соприкосновение повторяется в другом качестве. Меняются принципы и позиции. И жизни человеческие круто меняются. Но есть люди, что остаются верными своей судьбе, несмотря на любое качество времени.

Все начиналось с сопротивления обстоятельствам

Детство Бобкова связано с индустриальным городом Макеевка, что в Донбассе. Про его самые яркие детские впечатления можно сказать, что запомнилось прежде всего то, что было пережито. И первым таким переживанием для семилетнего мальчишки стал голод 1932–1933 годов.

Трудно передать словами это сосущее состояние голода. Каждый день все мысли и желания только о еде. Голоду сопротивлялись тем, что добывали съестное, где могли. Великой радостью были трава и картофельная ботва, водоросли и мелкая рыбешка, вычерпнутые из местных прудов и речушек. А уж арбузные корки, которые однажды принес отец, стали чуть ли не деликатесом. Все, что можно было жевать и проглотить, шло на стол.

Тогда в Макеевку хлынули голодающие из российских областей — Белгородской и Курской — в поисках все той же еды, ставшей источником выживания. Это хорошо сохранила детская память.

Спустя десятилетия тот голод недоброжелатели России назвали «голодомором» и сделали оружием пропагандистской войны. С циничной практичностью, так хорошо известной Бобкову по работе в контрразведке, американцы взялись за новое «прочтение» того голода, что поразила людей в СССР много лет назад.

Воспользовавшись тем, что с начала тех событий прошло 75 лет (дата, выступающая как информационный и политический повод), палата представителей Конгресса США 23 сентября 2008 года осудила «голодомор на Украине», признала его «геноцидом против украинского народа» и назвала источник той страшной беды — «советский диктатор Иосиф Сталин и его окружение, сталинское правительство, по воле которых был искусственно создан голод в 1932–1933 годах, жертвами которого стали почти 10 млн. жителей Украины». Констатировав это, американские конгрессмены осудили источник этой трагедии — советское правительство — за «систематические нарушения прав человека, в том числе и свободы самоопределения и свободы слова украинского народа». Но интерпретация «голодомора» в версии американских и украинских политологов и политиков игнорировала тот факт, что трагедия на Украине не была трагедией, сделанной для Украины. Такая же трагедия тогда постигла целый ряд областей в России и в Казахстане. Причинами голода были и неурожай, и некомпетентность руководителей на Украине, в Казахстане, в областях России; и жестокая политика Сталина, требовавшего обеспечить запланированную сдачу зерна для продажи Западу, чтобы закупать оборудование и станки для строящихся заводов. И эти причины касались всех зернопроизводящих областей Советского Союза. При этом смертность от голода в СССР

в 1932–1933 годы, по подсчетам российских исследователь на основе архивных материалов и с учетом неучтенной смертности, составила 3,8 млн. человек, но никак не 10 млн, безосновательно указанных в американской резолюции.

Но почему была выбрана Украина в пропагандистской кампании «голодомора»? Здесь стоит обратить внимание на следующую позицию в резолюции американских конгрессменов: Конгресс поддерживает усилия Украины в демократических и рыночных реформах, чтобы Украина «могла продать свой потенциал в качестве важного стратегического компаньона США в этом регионе мира». То есть речь шла о том, чтобы Украина, граничащая с Россией, стала стратегическим партнером США в этом регионе, где США обозначили свои геополитические интересы. И тема «голодомора» в интерпретации американских консультантов понадобилась, чтобы убедить Украину, что у нее своя история, а у России — своя, что Россия всегда угнетала Украину, и украинский «голодомор» самое яркое тому свидетельство. От «голодомора» изменение сознания шло по вектору ненависти — врагом теперь становились русские, которые якобы угнетали украинцев.

Такие вот воспоминания о голоде в интерпретации американцев снова ударили по Украине и России спустя десятилетия.

А тот реальный голод, которым было отмечено детство Бобкова, уже в 1934 году сник, растворился, и жизнь для мальчишки обрела свой смысл в иных ценностях. Школа, романтика пионерских отрядов, и самое главное — соприкосновение с большим и яростным миром. В этом мире, жившем по своим законам, уже гремели имена шахтеров, сделавших славу Донбассу, поднявших рабочих страны на рекорды производства угля, электроэнергии, стали и машин. Была гордость за Никиту Изотова, Алексея Стаханова, что делали историю. Это впечатляло, заставляло строить свои планы на жизнь. И потому запоминалось.

Переход из детства сразу во взрослую жизнь случился в год 1937-й, на который пришелся взлет сталинского террора. В один из дней отец, который работал на металлургическом заводе, сказал сыну: «Ты почти взрослый. Поэтому хочу, чтобы ты знал: меня могут арестовать. Но я ни в чем не виноват. Совесть моя чиста». Бобков вспоминает себя, двенадцатилетнего, после этих слов отца: «Я был потрясен. Зачем арестовывать честного человека? И тут меня осенило: в нашем многоквартирном доме оставалось всего пять мужчин. Остальные были арестованы. Может, и они ни в чем не виноваты?» Угроза ареста не стала явью. Но слова отца и то ощущение после них отпечатались в сознании на всю жизнь, которая после этих слов так и осталась для него советской.

Фашистская Германия напала на его страну, когда он перешел в девятый класс. И хотя с каждым днем страна сопротивлялась все ожесточеннее, враг не слабел. Немцы уже выходили к Донбассу. Оттуда эвакуировались заводы, там взрывали шахты, на которых еще вчера делались рекорды. Вывезти или уничтожить, чтобы фашисты не воспользовались. Только так стоял вопрос.

Люди бросали дома, хозяйство, свою родную землю, уходили в глубь страны. Тяжело уходили. В этом нескончаемом человеческом потоке, объединенном горем уходящих, была и семья Бобковых.

Разве такое забудется?

Бобков говорит об особенностях памяти, живущей переживаниями: «Даже воспоминания о самых горячих боях на фронте, где я был ранен дважды и где видел тысячи смертей, не так преследовали меня в последующей жизни, как дорога беженцев».

Ровно об этом пишет Александр Фадеев в своем романе «Молодая гвардия», когда описывает переживания людей, уходящих почти из тех же мест, что и семья Бобкова: «Со времени великого переселения народов не видела до-

нецкая степь такого движения масс людей, как в эти июльские дни 1942 года. По шоссейным, грунтовым дорогам и прямо по степи под палящим солнцем шли со своими обозами, артиллерией, танками отступающие части Красной армии, детские дома и сады, стада скота, грузовики, беженцы — то нестройными колоннами, то вразброд, толкая перед собой тачки с вещами и с детьми на узлах. Они шли, топча созревающие и уже созревшие хлеба, и никому уже не было жаль этого хлеба — ни тем, кто топтал, ни тем, кто сеял, — они стали ничьими, эти хлеба: они оставались немцам. Колхозные и совхозные картофельные поля и огороды были открыты для всех. Беженцы копали картофель и пекли его в золе костров, разведенных из соломы или станичных плетней, — у всех, кто шел или ехал, можно было видеть в руках огурцы, помидоры, сочащийся ломоть кавуна или дыни. И такая пыль стояла над степью, что можно было, не мигая, смотреть на солнце.

Через пятнадцать лет майор Бобков будет читать посмертное письмо Александра Фадеева, застрелившегося у себя на даче. В этом письме, адресованном руководителям партии, писатель излил всю горечь от непонимания партией сути и смысла литературного творчества, сводимого к надзору за ним в худших традициях бюрократии. Он мог так написать, памятуя и свою судьбу, и то обстоятельство, что имя его уже навсегда было связано с романом «Молодая гвардия», где он показал силу духа юношей и девушек, сумевших так сопротивляться немцам на оккупированной ими донецкой земле, что ждала их только смертная голгофа, которую они приняли не как мученики, а как герои.

В отличие от действующих лиц романа Фадеева, не успевших уйти от немцев, семья Бобковых успела выйти на «большую» землю. Уже там отец получил назначение на строительство заводов подземной газификации угля в городе Ленинск-Кузнецкий, что в Кемеровской области. Тогда все работало на оборону, и заводы эти тоже.

Подкрепленные эвакуированными предприятия-ми из Донбасса, они сделались мощной энергетической силой, столь нужной для сражающейся страны. Туда и пришел работать младший Бобков. Это был его выбор. И все, кто был рядом, почувствовали самостоятельность этого парня.

А дальше события развивались так. Отец добровольно уходит на фронт, бронебойщиком, бить фашистские танки. Сына избирают секретарем комсомольской организации. В один из дней весны 1942 года в Ленинск-Кузнецкий приехал народный комиссар угольной промышленности Вахрушев, чтобы разобраться, как идут дела на этой большой заводской стройке. И неожиданно заинтересовался: где тут бюро комсомола? Его интересовал один вопрос: готовят ли специалистов для будущего производства из числа молодежи, работающей на стройке? Оказалось, что нет. Тогда он сказал директору строительства: «Вы не думаете о будущем». И указание дал такое: поручить комсоргу возглавить отдел кадров по подготовке специалистов для эксплуатации завода после его пуска. Так Бобков был определен ответственным за выполнение этой важной государственной задачи. Тогда быстро и решали, и работали.

Ему минуло шестнадцать лет, когда он стал секретарем комитета комсомола города Ленинск-Кузнецкий. Столь стремительной карьере способствовало то, что его предшественник, прежний комсомольский секретарь, ушел воевать вместе с отобранными им добровольцами. Делом комсомола был отбор и направление добровольцев в сражающуюся армию. И Бобков недолго пребывал в должности городского комсомольского лидера. Он пошел тем же путем. Вместе с секретарем горкома партии и военным комиссаром он отбирал людей из массы стремящихся на фронт, формировал добровольческую команду. А потом и партийный секретарь, и секретарь комсомольский, и военком написали заявление с требованием отправить их на